

УДК 39(470)

DOI 10.37386/2413-4481-2022-3-97-105

Наталья Викторовна Люля

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия, natalyalyulya@mail.ru

Анастасия Сергеевна Свидовская

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия, nastya-svi@mail.ru

ДВОЙСТВЕННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКО-УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: НАСЛЕДОВАНИЕ ИЛИ ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР?¹

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о передаче этнической идентичности от поколения к поколению в среде русско-украинского населения России и процессе формирования двойной идентичности. Основываясь на исследованиях, проведенных в 2020–2021 годах, авторы раскрывают процесс передачи этнической идентичности через призму многонациональной семьи, межпоколенческих связей. Проанализировав пять поколений опрошенных, можно сделать вывод об осознанном выборе большинства в пользу украинской компоненты идентичности в большей степени в связи с происхождением предков, а русской компоненты – вследствие проживания в России. С каждым поколением наблюдается внешнее «угасание» украинской идентичности (например, уменьшение использования родного языка) и формирование среди молодежи двойной национальности – русско-украинской, но с преобладанием русской компоненты, что связано в большей степени с общественно-политической ассимиляцией.

Ключевые слова: многонациональная семья, множественная этническая идентичность, русско-украинские биэтноры, русская и украинская компоненты идентичности.

Natalya V. Lyulya

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, natalyalyulya@mail.ru

Anastasia S. Svidovskaya

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, nastya-svi@mail.ru

DUAL ETHNIC IDENTITY OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN POPULATION OF RUSSIA: INHERITANCE OR CONSCIOUS CHOICE?

Abstract. The article discusses the issue of passing ethnic identity from generation to generation among the Russian-Ukrainian population of Russia and the process of forming a dual identity. Based on studies conducted in 2020–2021, the authors reveal the process of transferring ethnic identity through the lens of a multinational family, intergenerational ties. Having analyzed five generations of respondents, we can conclude about the conscious choice of the majority in favor of the Ukrainian component of identity to a greater extent in connection with the origin of the ancestors, and the Russian component due to living in Russia. With each generation, there is an external “extinction” of Ukrainian identity (for example, a decrease in the use of the native language) and the formation of a dual nationality among young people – Russian-Ukrainian, but with the predominance of the Russian component, which is associated more with socio-political assimilation.

Keywords: multinational family, multiple ethnic identity, Russian-Ukrainian biethnors, Russian and Ukrainian identity components.

Современные научные исследования этнической идентичности характеризуются динамичным развитием. С одной стороны, этническая идентичность не является постоянной категорией и подвержена изменениям в силу различных обстоятельств, влиянию внутренних и внешних факторов, что обусловлено глобализацией и нивелированием отличительных особенностей этноса, исчезновением культурного разнообразия и утратой этнической идентичности.

В то же время интеграционные процессы в обществе, происходящие в ходе политического, экономического, социального и культурно-

го взаимодействия, приводят к формированию сложноуровневых и непостоянных этнических групп. В.А. Тишков отмечает, что «антропологи и этнологи все больше осознают феномен растущей культурной сложности, где этничность переплетается с другими коллективными идентификациями и лояльностями до такой степени, что исчезает само понятие группы как социальной и даже социологической целостности» [1, с. 7]. Изучая этническую идентичность на постсоветском пространстве, исследователи различных областей знаний (социологи, этнографы, психологи, социальные антропологи) в по-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

следние годы обращают внимание на принципы формирования этнической составляющей идентичности или множественной, когда человек относит себя к нескольким этносам. Актуальности исследованию придает изучение так называемой ситуации «дрейфа идентичности», процесса перехода идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций, возникающих в результате самого дрейфа [2, с. 123]. Важнейшую роль в процессе постоянно меняющихся представлений об этнической группе, ее составляющих дефиниций в области языкового компонента, этнической символики, исторических территориальных представлений играет государство, как и обстоятельство его участия в формировании этнической идентичности. Границы этнической группы подвижны и зависят от ряда внутренних (семья, язык, культура и т. д.) и внешних (территория проживания, наличие общественных организаций и т. д.) факторов, которые являются немаловажными в существовании и распространении форм этнической идентичности в государстве [3].

Исследователи особое внимание уделяют полиэтничной семье как одной из главных причин формирования множественной этнической идентичности, так как именно она «является не только одним из первых факторов социализации ребенка, но и средой, сохраняющей культурно-историческое наследие определенного этноса» [4, 5]. Изучая межнациональные семьи в регионах России, исследователи отмечают, что «подростки, проходя социализацию в условиях полиэтнической семейной среды, оказываются под сильным влиянием одновременно двух этносов, к которым принадлежат их родители, что зачастую приводит к определенным сложностям в процессе их этнической самоидентификации, сопровождается глубокими эмоциональными переживаниями и сказывается на особенностях этнической идентичности» [6, с. 11].

Анализ научных публикаций о формировании этнической идентичности в межэтнических семьях позволяет говорить об определенном ограниченном круге регионов, привлекающих внимание исследователей, а именно национальных республиках (Калмыкия, Башкортостан, Чеченская, Алтай, Саха, Татарстан) [7–12]. Особое внимание исследователи обращают на формирование двойственной этнической идентичности в национальных республиках, в которых существует этническая напряженность. Однако проблема формирования множественной этнической идентичности на территории России и

на постсоветском пространстве представлена намного шире и малоизучена, особенно среди многочисленных народов, проживающих в России – белорусов, украинцев, немцев и т. д., в данной области только начинают развиваться исследования [13–16].

Вопрос сближения близкородственных народов (русских и украинцев) привлекает внимание исследователей с 2010-х гг. Согласно данным последних всероссийских переписей, численность украинцев в России составляет 2,94 млн чел. – 2,05 % (на 2002 г.) [17], 1,93 млн чел. – 1,41 % (на 2010 г.) [18]. С 2002 г. по 2010 г. численность украинцев в России сократилась практически на миллион человек, что объясняется исследователями не только естественными процессами ассимиляции, но и как «одно из проявлений двойственной идентичности» [19, с. 81]. В связи с этим более активно стал рассматриваться вопрос этнической идентичности украинцев, проживающих в регионах России.

В течение 2020, 2021 гг. в ходе реализации проекта РФФИ «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности» (руководитель В.В. Бубликов) коллективом исследователей было проведено масштабное исследование на территории пяти регионов Российской Федерации (Белгородская, Воронежская, Омская области, Алтайский и Приморский края). В ходе полевых исследований были проведены интервью (100 глубинных интервью) и собраны анкеты (800 анкет) группы русско-украинского населения в местах компактного проживания (сельские жители) и дисперсного расселения (городские жители). Анкета глубинного интервью и анкета массового опроса содержали блок вопросов об этнической идентичности предков, о влиянии их национальности на ощущение собственной этнической принадлежности, а также об этнической идентичности супругов и детей, внуков респондентов, что позволяет проанализировать фактически пять поколений. Также респондентам предлагалось ответить на вопросы, связанные с процессами, оказавшими влияние на их идентичность. Комплексный подход представляет возможным авторам дать анализ формирования двойственной этнической идентичности русско-украинского населения России, попытаться определить, что в большей степени оказало влияние – наследование или осознанный выбор в силу влияния различных факторов.

Также проведенное исследование можно охарактеризовать как прикладное с точки зрения активно развивающегося в настоящее время

подхода к пересмотру официально принятого перечня национальностей, проживающих на территории России с учетом особенности современных этнических процессов, новых потребностей управления в сфере этнокультурной политики и образования, демократизации общественно-политической жизни [20]. Введение и изучение процесса формирования и существования сложных категорий более точно отражает этническую мозаику населения России и является основой мирных межэтнических отношений, стирая противопоставление «мы» – «они».

Множественная идентичность опрошенных респондентов представляет собой сложную многоуровневую систему, подверженную трансформациям особенно в последние десятилетия. Имея двойную национальность, респонденты предпочитали выбирать следующие формулировки в анкетах: в большей степени русский(ая), в меньшей – украинец(ка) – 42 %; и русский(ая), и украинец(ка) одновременно – 28 %; «хохол»/«хохлушка» – 13 %; русский украинец / русская украинка – 10 %; в большей степени украинец(ка), в меньшей –

русский(ая) – 8 %. Большинство опрошенных оказались смешанного происхождения (66 %), в связи с чем возникает вопрос о мотивах выбора множественной этнической идентичности. При анализе причин формирования двойственной этнической идентичности можно говорить, что выбор русской компоненты, которая у большинства является преобладающей, происходит благодаря приоритету общегражданской части идентичности (62 %) над региональной и этнической. Происхождение родителей является ведущим компонентом при выборе украинской компоненты (76 %). «По отцу, по роду отца я украинец, как ни крути. Отец вырос там, родился. В Донецке родители прожили три года, тоже это же Украина. То, что записан, в России живу – русский. Ну 50 на 50» [21].

Проведем анализ родословной респондентов с точки зрения этнической идентичности предков. Согласно полученным результатам, украинская составляющая в родословной опрошенных в среднем в 1,5–2 раза выше в третьем поколении (дедушка/бабушка по отцу; дедушка/бабушка по матери), чем во втором (см. рис. 1).

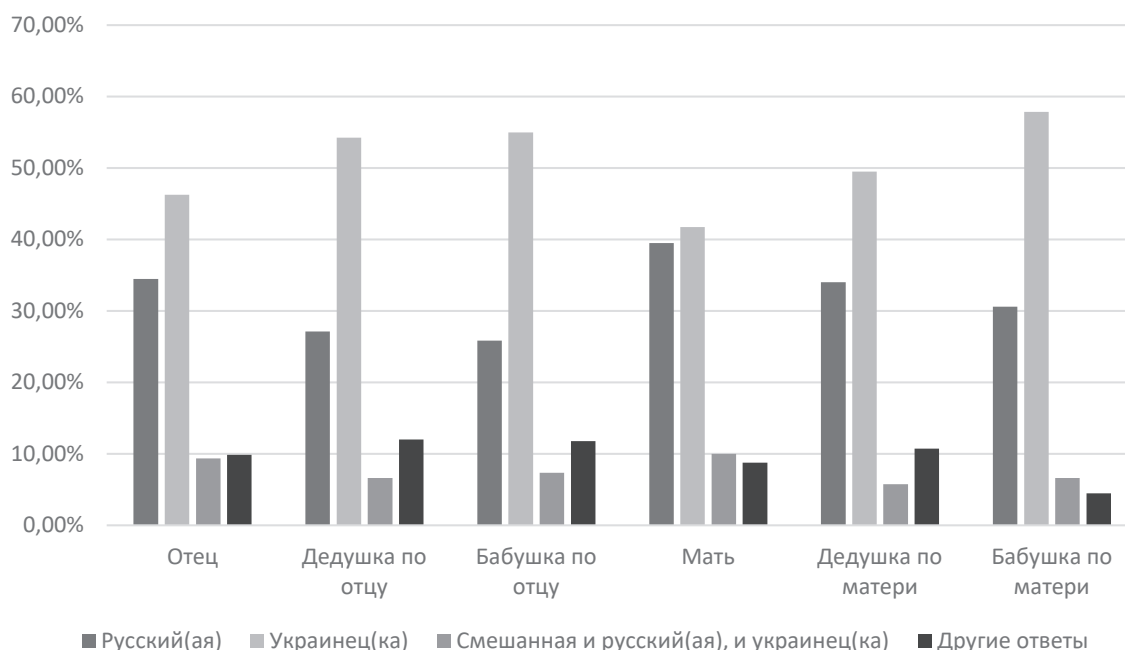

Рис. 1. Национальность родителей, бабушек и дедушек, по данным ответов анкетирования русско-украинского населения России (2021 г.)

Преобладающая этническая идентичность в третьем и втором поколении – украинец(ка). Возможно, такое преобладание связано с тем, что старшее поколение (60 лет и старше) все же больше сохраняли не только традиционную украинскую культуру, но и этническую иден-

тичность своих предков, когда-то приехавших в регионы России, и по средствам трансляции традиций сохраняли и передавали ее второму поколению (см. рис. 2, 3, 4) [15]. Такая ситуация характерна как для опрошенных проживающих в селе, так и в городе.

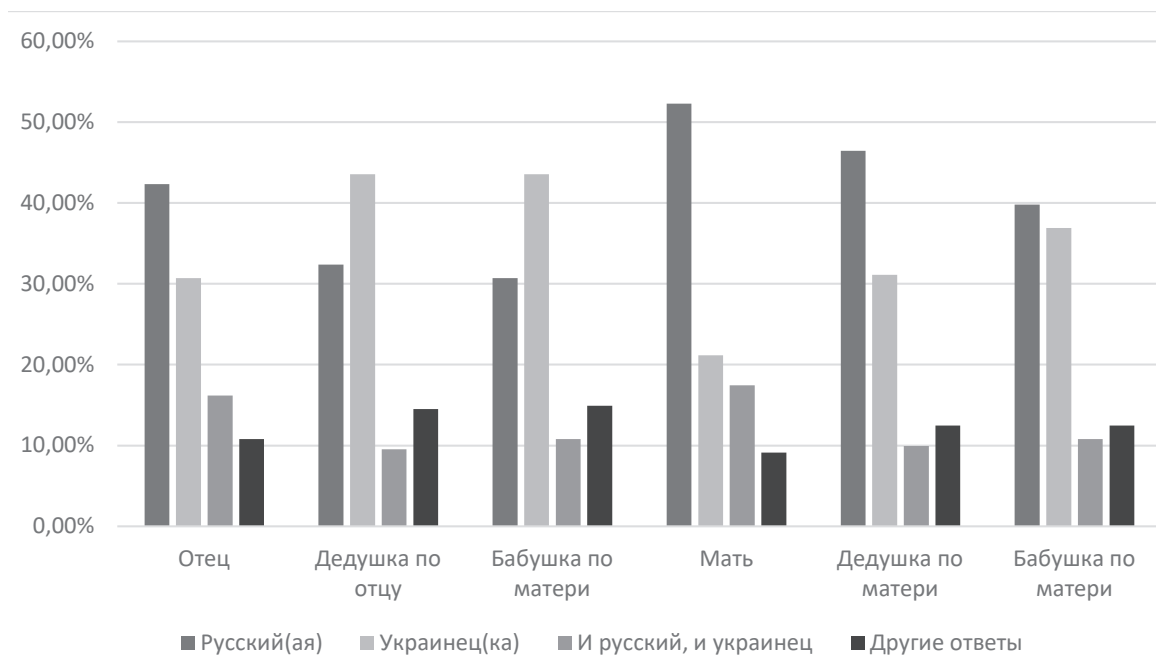

Рис. 2. Национальность родителей, бабушек и дедушек, по данным ответов анкетирования русско-украинского населения России возрастом 18 лет – 34 года (2021 г.)

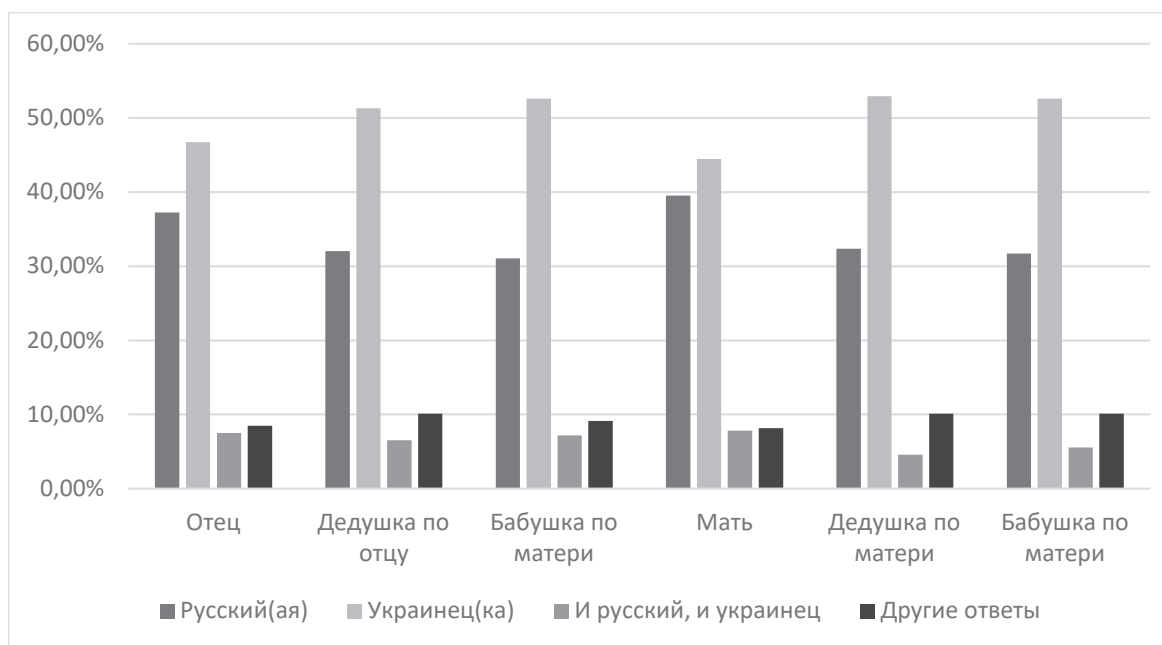

Рис. 3. Национальность родителей, бабушек и дедушек, по данным ответов анкетирования русско-украинского населения России возрастом 35–59 лет (2021 г.)

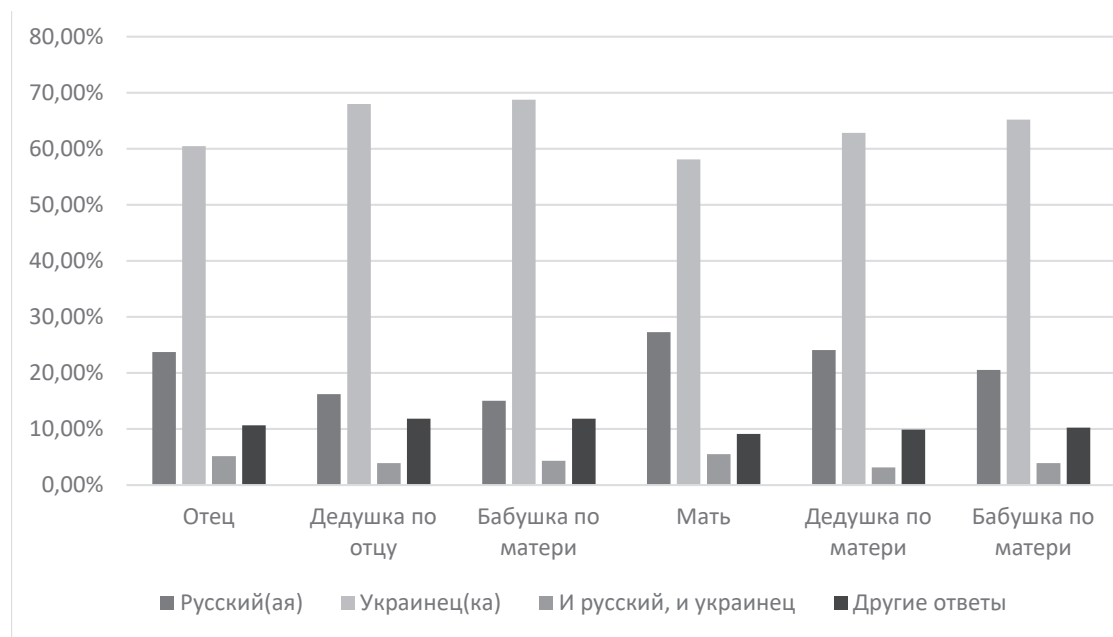

Рис. 4. Национальность родителей, бабушек и дедушек, по данным ответов анкетирования русско-украинского населения России возрастом 60 лет и старше (2021 г.)

Результаты анкетирования указывают на то, что для старшего поколения важность украинской компоненты значительно меньше, чем русской (в 1,49 раза; в поколении среднего возраста – 1,53, среди молодежи – 1,35 раза). При этом количество ответов о преобладании украинской компоненты при определении смешанной русско-украинской идентичности выше в среде старшего поколения. То есть осознание себя украинцем для опрошенных 60 лет и старше сохранялось больше. Обосновано это тем, что вопрос о национальной принадлежности респондентов, выросших и проживших значительную часть жизни в Советском Союзе, не являлся значимым, так как внутренняя и внешняя среда внутри страны не создавала условий для противопоставления себя с другими национальностями. Связано это было с национальной политикой, проводимой в СССР. С 1956 г. исследователи отмечают «латентную русификацию», но с опорой на многонациональный советский народ, активно развивается идея советского народа – наций и народностей СССР, у представителей которых становится всё больше общесоветских, именно интернациональных черт, что размывает национальности и этническую культуру [20, с. 108]. Впрочем, русификация украинцев в России имела место существенно раньше – в 1930-е гг.: «Статистические данные свидетельствуют о большом влиянии общественно-политических факторов на самосознание украинцев России, которые особенно сильно по-

вливали на их численность в 1930-е гг. и постсоветские десятилетия» [21, с. 215]. Именно поэтому полученные результаты ответов на два блока вопросов являются противоречивыми.

При этом можно говорить о сохранении российской традиции выбора национальности по отцу, которая связана, по мнению исследователей, «с таким внешним признаком, как фамилия» [15, с. 162]. На вопрос: «Как Вы считаете, что определяет национальность человека? Не Вас лично, а вообще. По каким критериям определяется национальность?» – респонденты отвечали, что по происхождению (родителям) (62 %), особенно выделяя в своем рассказе наследование по мужской линии. «Происхождение отца, наверно, тоже повлияло на то, что я больше стала чувствовать себя украинкой» [22]; «По корням и по, как говорят, отец глава семьи. Потому что когда поехала на Украину и встречалась с его дядюшками уже пожилыми, и они говорили, что род вот очень важное значение имеет и то, что твоя национальность, они свою национальность никогда не предадут, и твоя национальность идет от своего отца» [23]; «Раньше писали национальность по отцу, отец у него украинец» [24].

Рассмотрев национальность опрошенных, а также их брачного партнера, можно говорить уже о преобладании русской национальности – 43 %, а не украинской – 19 %, как это прослеживалось в третьем и втором поколении, такая тенденция в ответах характерна для всех респондентов (см. рис. 5).

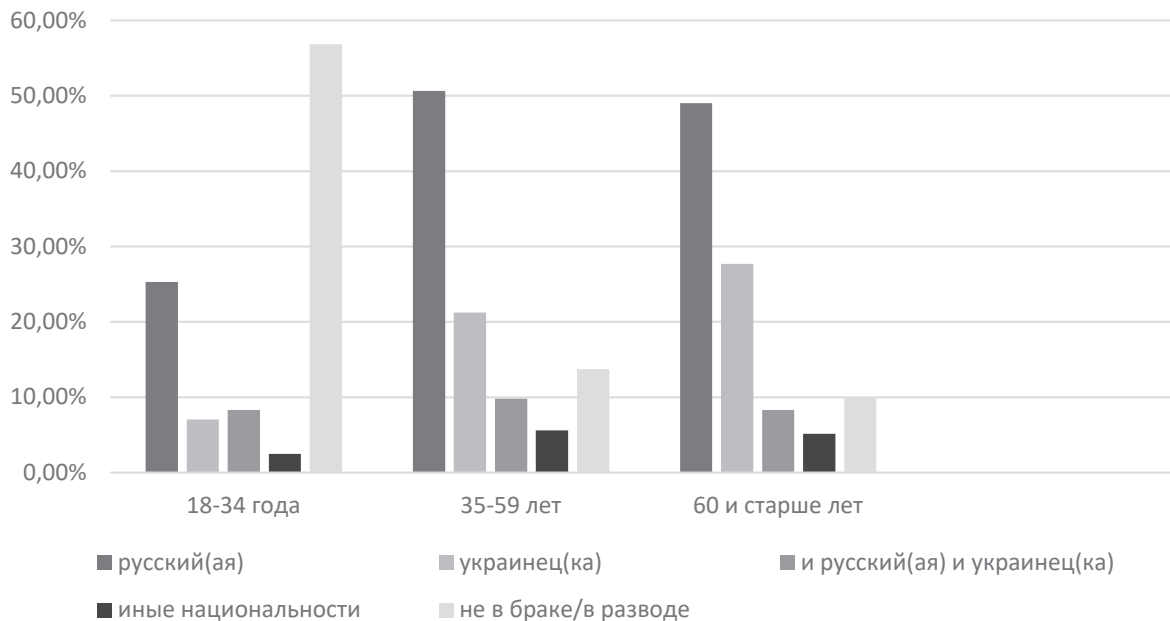

Рис. 5. Национальность супругов (2021 г.)

Если опираться на результаты анкетирования, показывающие, что смешанная национальность является следствием наследования, то преобладание русской компоненты среди опрошенных,

наличие у брачного партнера русской национальности вызывает интерес к формированию двойной идентичности среди последующих поколений (см. рис. 6).

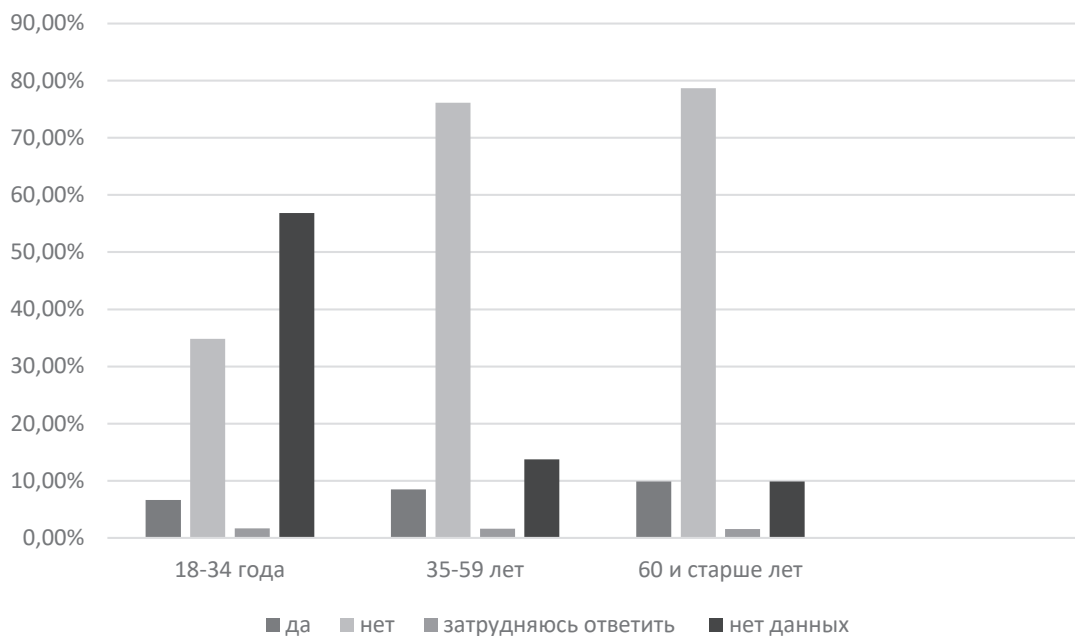

Рис. 6. Значение национальности при выборе супругов (2021 г.)

При формировании этнической идентичности среди опрошенных такие мотивы, как национальность родителей, уже уходит на второй план, а национальность при создании семьи вообще не

важна – 33 %. Язык, территория проживания, статус этнической группы в обществе, его престижность и миграционная ситуация оказываются определяющими [15, с. 163; 25]. В то же время о

сохранении внутри семьи именно двойной компоненты идентичности позволяет говорить бытование и трансляция отдельных элементов русской и украинской культуры в равной степени: семейные традиции, предпочтения в еде, менталитет и характер.

Респондентам, которые имеют детей и внуков, задавался вопрос об их национальной принад-

лежности. Национальность детей определялась как русская – 43 % ответов, и русские, и украинцы одновременно – 21 % (см. рис. 7). Преобладание русской национальности в ответах объясняется рождением и проживанием детей и внуков в России, незнанием литературного украинского языка, культуры, а также воспитанием и обучением в русской культуре.

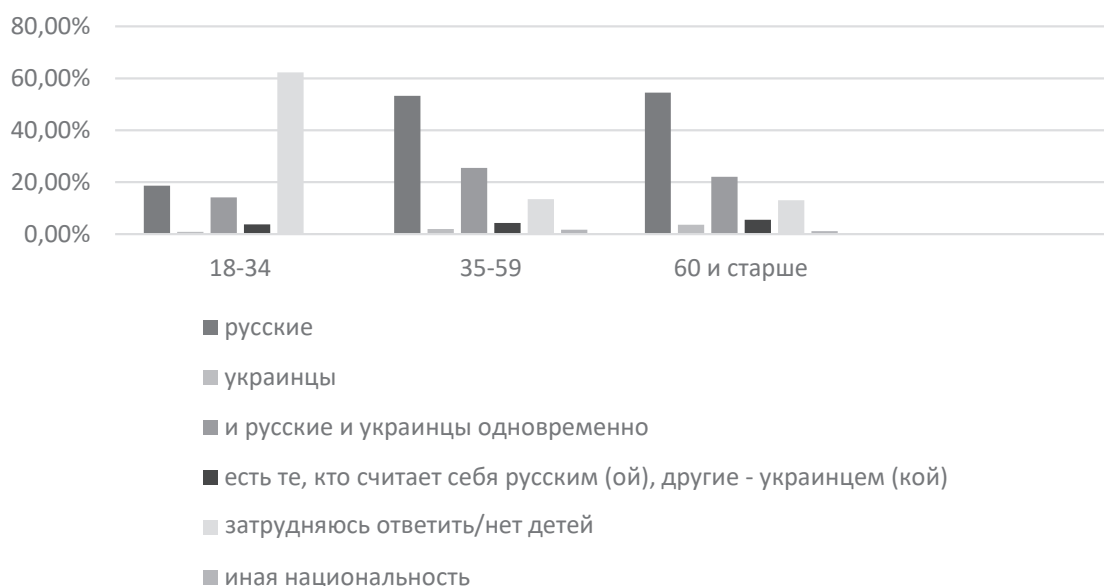

Рис. 7. Национальность детей и внуков, по мнению опрошенных (2021 г.)

«А они русские, да. Они ходили в русские школы, в русские детские сады и воспитывались именно на русском» [26]; «Русские, потому что они большую часть жизни прожили в России. Язык дети не знают, возможно, элементы культуры украинской: музыка, кухня, ну кухня, потому что я очень много готовлю и готовлю я много украинских блюд. Они их знают, они их любят, но это, пожалуй, единственное, что их приобщает, а так...» [27].

По результатам исследования респонденты считают, что их дети и внуки относят себя (по их мнению) больше к русским – 43 %, а не к украинцам – 2 %. Однако 21 % опрошенных указывает, что их дети и внуки тоже, как и они, имеют смешанную русско-украинскую национальность. При этом преобладание русской компоненты в большей степени характерно для проживающих в городской среде, чем в сельской: «Будут русские полностью. Потому что такого воспитания, как воспитывали меня в украинских традициях, я уже не смогу дать детям, я, конечно, буду вносить свою лепту, но такого объема нет. Потому что Барнаул, потому что многое забыто» [28]. Также зафиксирован высокий процент среди среднего и молодого поколения, которые говорят о двойной идентично-

сти своих детей и внуков (и русские, и украинцы одновременно) – 39,6 %, что позволяет говорить о возможном наследовании последующими поколениями именно двойной этнической идентичности.

В современных условиях активно наблюдается процесс утраты украинской культуры и языка, учитывая тотальное отсутствие в регионах России институциональных возможностей ее поддержания и развития (преподавание в школе украинского языка, сложности в деятельности украинских общественных организаций и т. п.), в то же время статус национальности оказывает прямое влияние на ответы респондентов в отношении национальности их потомков: «Внуки уже будут русскими. Сноха мне сказала – при внучке на украинском языке не разговаривать. Она выросла здесь и родилась здесь. Дочь, если будет понимать, все равно будет родной язык изучать» [29].

Этническая идентичность, характеризующаяся как «и русский(ая) и украинец(ка) одновременно», распространена в большей степени в среде среднего поколения (35–59 лет) и в сельской среде. Возможно, это связано с тем, что на фоне, с одной стороны, высокой мобильности населения происходит усиленное взаимодействие культур, а с другой –

компактная среда проживания позволяет среднему поколению сохранять украинский компонент культуры, язык и транслировать их. Возможно, это связано с тем, что компактная среда проживания русско-украинских биэтноров позволяет в большей степени сохранять украинский компонент культуры, двойную этническую идентичность. Так как в селах фиксируется высокий процент сохранения и бытования языка и отдельных элементов культуры вплоть до настоящего времени, а пребывание в такой среде детей и внуков является прямым следствием формирования именно двойной национальности. На вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши потомки имели ту же национальность, что и Вы?» – 17 % ответили, что «да, для меня это очень важно», 32 % – «да, но это не самый важный вопрос» и 34 % – «нет, это не важно», что позволяет говорить о сохранении группы русско-украинского населения в будущем, но с тенденцией к сокращению ее в регионах России. Этнических ориентиров на множественную русско-украинскую идентичность среди будущего поколения придерживаются респонденты как проживающие компактно, так и в сельской местности (малые города / сельская местность).

«50 на 50. Для меня важно, но если они будут не украинцами, то я на это закрою глаза. Но хотелось бы, чтобы они были украинцами» [30]; «Да, я хочу, чтобы они сохраняли. Даже пусть они если разговаривают и на русском языке, но чтоб они об украинской культуре они чтоб знали» [31].

Несмотря на то, что преобладающее большинство опрошенных считает, что русско-украинская этническая идентичность является следствием наследования, то в течение жизни самооощущение, оценка собственной национальности изменялась у 44 % респондентов под влиянием внутренних и внешних факторов [3]. Выявленные факторы можно оценить лишь как временное воздействие на личность и на определение своей идентичности. *«Да, наследовала не то, чтобы национальность, а вот эту вот толику украинского. Хотя, возможно, даже если бы у меня не было родственников на Украине, из-за того, что мы тут так близко, и вот эти вот всякие шуточки про то, что мы тут украинцы, особенно в Крас-*

ной Яруге, в Теребрино, потому что мы находимся прямо на границе Белгородской области. Ну, да, конечно, это имело место быть, это повлияло» [32]. Неопределенность в выборе национальности русско-украинских биэтноров, смешение русской или украинской компоненты, то в сторону преобладания одной компоненты, то другой, находятся в зависимости от окружающих условий. Как отмечает В.В. Бубликов: «Трансформация этничности, вне зависимости от вектора, происходила в возрасте от 10 до 30 лет, т. е. в период активной социализации и становления личности» [33, с. 182]. Поддержанием украинской компоненты этнической идентичности, исходя из проведенного исследования, занимается прежде всего семья. Так, украинская компонента определяется большинством опрошенных по происхождению (предкам) – 76 %, а русская компонента по стране проживания (гражданству) – 66 %.

Среди опрошенных биэтноров доля предков только украинцев по происхождению 29 % (еще 4 % имеют среди предков украинцев и представителей иных (не русской) национальностей), а смешанного русско-украинского происхождения значительно больше – 49 %, также 10 % приходится на смешанное происхождение респондентов с другими национальностями (русские + украинцы + другие национальности). Полученные в ходе исследования результаты как качественного, так и количественного опроса позволяют сделать выводы о том, что большинство респондентов все же именно наследовало обе компоненты своей этничности от предков – 62 %, только для 33 % это осознанный выбор (принятие и русской этничности). Следовательно, можно говорить о том, что двойственная этническая идентичность русско-украинского населения России является следствием как осознанного выбора своей наследственности этнической идентичности предков, так и выбора в связи с рядом внешних факторов, к которым, согласно проведенному исследованию, относятся переезд из села в город или, наоборот, переезд из Украины в Россию; большее использование русского языка / украинского языка; служба в армии; политические события (1991, 2014 гг.).

Список источников

1. Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
2. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 544 с.
3. Люля Н. В. Факторы формирования множественной русско-украинской идентичности населения России // Государство, Общество и Церковь: национальное единство, этнокультурное и межконфессиональное согласие: материалы науч.-практ. конф., Новосибирск, 11–12 ноября 2021 г. / под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2021. С. 111–114.
4. Ананьина В. Т. К проблеме исследования этнической идентичности в межнациональных семьях // Социология. 2013. № 2. С. 39–46.

5. Кутявина Е. Е., Малышева С. К. Разноэтническая семья как среда формирования этнической идентичности личности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2010. № 2 (18). С. 47–52.
6. Болтаева Л. Ш., Верещагина М. В. Виды этнической идентичности чеченских подростков из гетероэтнических семей // Образовательный вестник «Сознание». 2020. Т. 22, № 12. С. 10–15.
7. Намруева Л. В. Семья как фактор воспроизводства этнической идентичности: социологический подход // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 4. С. 93–96.
8. Бурханова Ф. Б., Садретдинова Э. В., Мухамадиева Р. Р. Внутрисемейные факторы формирования моно- и биэтнической идентичности детей из межнациональных семей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 55–65.
9. Тулегенова А. Г. Семья как фактор формирования этнической идентичности ребенка (на примере крымско-татарской семья) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 114–120.
10. Табакаев Ю. В. Семья как институт идентификации в республике Алтай: история и современность // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. № 1. С. 8–12.
11. Ким К. В. Особенности этнической идентичности индивидов из межэтнических семей // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Т. 12, вып. 1. С. 259–263.
12. Поздеев И. Л. Роль семьи в сохранении и передаче этнической культуры удмуртов Республики Татарстан в XXI веке // Научный диалог. 2019. № 7. С. 352–365.
13. Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX–XX веке / Н. С. Грибанова, И. В. Чернова, Н. В. Люля, А. С. Свидовская. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 306 с.
14. Атанесян Г., Акопян Г. Проблемы сохранения этнической идентичности белорусской диаспоры в советской и постсоветской Армении // Человек и культура. 2020. № 6. С. 56–68.
15. Курске В. С., Смирнова Т. Б. Этническая идентичность российских немцев в начале XXI в. (по результатам всероссийского опроса) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № А1. С. 160–177.
16. Бубликов В. В. Русско-украинское население приграничных с Украиной территорий России: этнокультурная или переходная группа? // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 212–223.
17. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=0 (дата обращения: 07.04.2022).
18. Всероссийская перепись населения 2010 года. Национальный состав, владение языками, гражданство. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php> (дата обращения: 07.04.2022).
19. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. 562 с.
20. Тишков В. Русский архипелаг 2002. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/perepis_na.html (дата обращения: 03.06.2022).
21. Щербак А. Н., Болячевец Л. С., Платонова Е. С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 100–123.
22. Бубликов В. В. Украинцы в России: динамика численности и трансформация самосознания // Этнические меньшинства в истории России: материалы Второй международной научной конференции. СПб., 2021. С. 215–223.
23. Полевые материалы участников проекта. Омская область, г. Омск, 2020 г. (информант: Г. О. В, 1973 г. р., жен.).
24. Полевые материалы участников проекта. Омская область, г. Омск, 2020 г. (информант: Г. О. М., 1957 г. р., жен.).
25. Полевые материалы участников проекта. Омская область, с. Павлоградка, 2020 г. (информант: С. Т. Н., 1970 г. р., жен.).
26. Бубликов В. В. Особенности идентичности русско-украинского населения приграничных территорий России // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 138–157.
27. Полевые материалы участников проекта. Приморский край, Хорольский район, 2020 г. (информант: Т. Г. Н., 1957 г. р., жен.).
28. Полевые материалы участников проекта. Приморский край, г. Владивосток, 2020 г. (информант: К. Ю. Б., 1971 г. р., жен.).
29. Полевые материалы участников проекта. Алтайский край, г. Барнаул, 2020 г. (информант: М. Н. Л., 1994 г. р., жен.).
30. Полевые материалы участников проекта. Омская область, г. Омск, 2020 г. (информант: М. Н. Е., 1951 г. р., жен.).
31. Полевые материалы участников проекта. Омская область, с. Павлоградка, 2020 г. (информант: Г. И. И., 1995 г. р., муж.).
32. Полевые материалы участников проекта. Приморский край, Хорольский район, 2020 г. (информант: Л. Н. А., 1961 г. р., жен.).
33. Полевые материалы участников проекта. Белгородская область, Краснояружский район, 2020 г. (информант: Р. Э. Ю., 2000 г. р., жен.).
34. Бубликов В. В. Между русскими и украинцами: трансформация этнической идентичности лиц с русско-украинской этничностью в России // Этнографическое обозрение. 2022. № 2. С. 168–187.

Статья поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 17.06.2022.

The article was submitted 04.05.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 17.06.2022.